

О „соколах“.

Теперь уже несомненно, что всё полнотой создано среди поляков движение против России в союз с войсками отсталой польской гвардии. Вулицы полякам, что войска—ах дружка, что у них—общия задачи, оказалось по своему существу дла невозможным. А офицерное существование в Кильдах «свободной Польши», которой позволялось пользоваться своей «независимостью» только под строжайшим руководством германских командиров, должно было открыт глаза и на побеге негодных.

В частности ничего не вышло из пресловутого «союза поляка», всё это «стандартные легионы», «сражались стрыльков», «соколов» и т. д. Среди вожаков движения было несколько человек широко известных, видных общественных деятелей, уважаемых писателей. Но они остались одиночками, их призыв не увлек народных масс. В первые дни организации вступило в ряды «войска польского» несколько впопых из старинных польских семей, но то было исключение. Никакая прокламация, никакие агитационные листки, никакие красочные провозглашения ораторов не могли убедить польский народ, что он должен идти об-руку с пруссаками.

Чтобы все-таки сдвинуть ряды объявленного «войска польского», пришлось вербовать солдат без особого разбора. Принимали мальчиков прямо со школьной скамьи, которых ослепляла самая мысль — непосредственно участвовать в великих исторических событиях. Наряду со школьниками брали всяких проходивцев, которым все равно куда было дѣваться и которые шли в солдаты не по убеждению, а из любви к приключеньям. Не брезгли и заведомо темными личностями, определенно мечтательными обидом,—чѣм-нибудь поживиться при общей смутѣ. Наконец, в «школах» городах, захватили нѣмцами, легионеры отворяли тюрьмы, освобождали преступников и их также включали в свои ряды, в надеждѣ, что служение «своим» дѣлу облагодарило всѣх. Так составилось это «войско польское», частью из фанатиков, частью (и, к сожалѣнью, этот элемент преобладает) из «зеленой» молодежи, частью из сомнительных дѣльцов и буйных головорезов.

Когда генерал Либерт, бывший германским губернатором в оккупированной Лодзи, узнал о поведении в

городе «сражались стрыльков», он сказал: «Знай я, что эти люди таковы, и никогда не вступил бы их в Лодзь». Так, приблизительно, стали с течением времени относиться к «войску польскому» и другие германские командиры. Нам пришлось убедиться, что войско союзных отрядов они получали или пайки грабителей, или группы оккупированных школьников. Военная помощь от «легионов» была ничтожна, но хлопоты и затрудненія они причинили множество. Почти-то всѣ, что командиры стали рѣшительно отказываться от включения в свою армию союзных польских отрядов.

Как прекрасную иллюстрацию ко всему сказанному, я передаю здѣсь рассказ одного из жителей Брезны, который мог бы много рассказать дѣтально о «соколах» и сам едва не попал насильственно в их ряды.

Это было мѣсяца два назад,—рассказывал г. З. (молодой человек, поляк),—когда нѣмцы впервые заняли Брезны значительными силами (раньше вступали в городъ лишь небольшие нѣмецкіе разѣзды). Тогда для нас германскія войска были еще пошлой,—ах, как приглядѣлись мы къ нимъ потом!—и весь городъ выслушал на площади возгласъ: «Вступайте нѣмцы!» Они проходили черезъ городъ небольшими колоннами, сурово, безъ пѣсок, одѣтые тогда во все новое, с пистолетами. Хотя Брезны и в большой городъ и занятіе его не представляло особой чести, офицеры были чуть ли не въ парадныхъ формахъ: такъ и сверкали каски, рукоятки сабель, какая-то позолота...

Кстати сказать, у многихъ нѣмецкихъ солдатъ были на груди Железные кресты. Намъ это удивило. Мы знали, что Германия уже сорокъ лѣтъ не вела войны и, следовательно, солдатъ не должно было заслужить отличія. Впоследствии мы рассмотрели объ этихъ крестахъ. Солдаты отвѣтили, что награда получена ими за бой при Солдау. При этомъ они безмѣрно хвастались своей побѣдой, говорили, что захватили на лѣвѣ трехъ генераловъ и сто тысячъ солдатъ. Впрочемъ нѣмцы всегда преувеличивали свои успѣхи до чрезвычайности и, кажется, вполне искренно, въ данной самоувѣренности.

Среди колоннъ германскихъ войскъ наше вниманіе остановило отрядъ, шедшій особнякомъ и одѣтый въ мундиры, совершенно иные, чѣмъ у нѣмцевъ. На солдатахъ была синевавшая шинель, въ рождъ австрійской; подъ ней видѣлась понасть съ двумя выстрѣлами австрійскаго орудія; на головахъ—сухойна шапка, которые мы называемъ конфедератами,

съ одностороннимъ бѣлымъ польскимъ орломъ. Офицеры были въ мундирахъ того же «защитнаго» цвѣта, но въ фуражкахъ другого покроя, съ козырькомъ, такъ называемыхъ матувакахъ, въ рождъ такъ, что теперь носятъ летчики. Солдаты были вооружены винтовками; офицеры—саблями и револьверами. Во всемъ отрядѣ было человекъ сто или вѣроятно болѣе.

Самое же поразительное было то, что всѣ «солдаты» были юнши или, вѣрнѣе, мальчики (чтобы не сказать—дѣти), суя по виду, лѣтъ 16-ти, 15-ти и даже 14-ти. У нѣкоторыхъ были дѣтскія розовыя лица и дѣтскіе наивные глаза. Но большинство было парни, съ вѣнчалитетными лицами, порой—тишечные хулиганы, составляющие горю своей семьи или своей деревни. Офицеры были постарше, лѣтъ по 25—27, а всѣ, поварихи, принадлежали къ интеллигентному классу.

Когда мы узнали, что это—польскіе воюетеры, «войска польское», намъ стало грустно. Мой пріятель, смотрѣвшій рядкомъ со мной на шествіе германской армии, сказалъ мнѣ объ этомъ польскомъ отрядѣ:

— Прямо плакать надъ ними хочется. Одинокъ еще за забку посадятъ на, а другіе—шумовина какия-то! (шумовина—нашимъ, пѣна жнана).

Нѣмцы разбѣгались въ городѣ по частнымъ квартирамъ, выгнавъ хозяевъ, и офицеры соколовъ также. Тутъ мы нѣсколько понаблюдали съ ними ближе. Люди оказались самые различные и родомъ изъ самыхъ разныхъ мѣстъ: были поляки, были изъ Галиціи, а одинъ былъ американецъ.

— Я прослышалъ,—сказалъ онъ,—что противъ России творятъ легионы, и пріѣхалъ.

Кажется, «прослышалъ» онъ еще до оффиціального объявленія войны. Мы сначала думали, что сокола будутъ посредниками между нами и нѣмцами: все-таки свои братья, поляки. Кромѣ того, у насъ въ городѣ мало кто говорилъ по-нѣмецки. Мы стали поэтому обращаться къ соколамъ во всѣхъ случаяхъ, когда намъ надо было что-нибудь узнать отъ нѣмцевъ. Но сокола держали себя, какъ и нѣмцы, особнякомъ и никакой поддержки оказывать намъ не хотѣли.

Вскоре мы могли убедиться, что сокола не уступаютъ нѣмцамъ и въ обиходахъ, чинимыхъ мѣстнымъ жителямъ. Нѣмцы тогда захватили всеяго рода «реквизиціи», забрали все готовое платье, которымъ преимущественно торгуютъ Брезны, забрали муку, керосинъ, овецъ, а затѣмъ стали грабить «по-маленькому», присваивая себѣ въ магазинахъ и въ частныхъ домахъ все, что имъ нравилось. Сокола съ

большой готовностью послѣдовали при-мѣру своихъ союзниковъ.

У насъ въ Брезнахъ, за отсутствіемъ властей, завладела дѣлами общинательскій комитетъ и милиція. Въ эти организаціи те-и-дѣло стали поступать требованія соколовъ. То имъ нужны были лошади и фуражъ для нихъ, то подводы, то хлѣбъ, то бѣлье. Инако прямо негдѣ было достать, но сокола, какъ и нѣмцы, не хотѣли слушать никакихъ возраженій.

— Какъ вамъ не совѣстно,—говорили мы офицерамъ соколовъ,—притѣснять своихъ братьевъ-поляковъ? Вы требуете у насъ лошадей, а гдѣ мы ихъ возьмемъ? Надо будетъ отнимать у крестьянъ послѣднихъ.

— И по-дѣломъ!—возражали намъ офицеры.—Зачѣмъ они не пошли вмѣстѣ съ нами за овцею, польское дѣло. Кто останется вѣрнѣе москалямъ, мы тѣхъ посадимъ на камыши.

Отдѣльные солдаты-сокола вели себя еще хуже. Они прямо вымогали съ угрозами разные вещи у жителей. Вмѣстѣ такой солдатъ въ чужую квартиру, грозить винтовкой и требуетъ. Конечно, поруганными женщинами отдадутъ ему все, что онъ захочетъ. Пробовали нѣкоторые изъ насъ жаловаться нѣмецкому командиру, вышло только хуже. Онъ топнулъ ногой, закричалъ: «Вы клеветаете! Въ германской армии не можетъ быть грабителей! Я прикажу васъ разстрѣлять!» Тѣмъ жалоба и кончилась.

Въ одинъ изъ первыхъ дней послѣ вступленія нѣмцевъ шелъ я по улицѣ. Вдругъ подходитъ ко мнѣ сокольскій офицеръ и требуетъ, чтобы я провелъ его въ магистратъ. Я испугался. Если бы я одинъ повелъ германскаго офицера въ магистратъ, это могли бы истолковать въ томъ смыслѣ, что я помогаю нѣмцамъ, вообще былъ съ ними въ близкихъ сношеніяхъ. Поэтому я позволилъ одному знакомому, русскаго, шедшаго тутъ же, и мы повели офицера втроемъ. По пути мы захватили еще одного еврея и такъ, всѣмъ трое,—представители трехъ національностей города,—держась за руки, проводили сокола до заанія магистрата.

Оказалось, что сокольскому офицеру нужны были списки лицъ призывнаго возраста, отъ 18-ти до 45-ти лѣтъ. Офицеръ долго рассматривалъ эти списки и что-то отиѣчалъ у себя въ книжкѣ, и что-то отиѣчалъ у себя въ книжкѣ, кажется, подсчитывалъ число. Мы все это потихоньку наблюдали, но, когда офицеръ свою работу кончилъ, быстро разошлись, чтобы насъ не видѣли вторично въ его обществѣ.

Диа черезъ два вышло объявленіе, непечатанное по-нѣмецки и по-польски, чтобы всѣмъ лицамъ отъ 18-ти до 45-ти

лѣтъ явились въ такой-то день, въ зданіе магистрата для свидѣтельства: водны ихъ врачамъ,—чтобы выдѣлнить, годны ли они для военной службы. Въ то же время сокола на улицахъ всѣмъ насильно раздавалъ написанную по-польски нѣмецкую прокламацию, призывающую поляковъ записываться въ ряды польскаго войска. Отказывался всѣ болясь и прокламацию брали, но содержаніе ея большинству было извѣстно: нѣмцы въ началѣ войны тысячами разбрасывали эти прокламации съ аэроплановъ, такъ что иногда поле дѣлались бѣлыми отъ валяющихся листовъ бумаги.

Прокламация начинается словами, что вотъ-де предоставляется для поляковъ минута освобожденія изъ-подъ московскаго ярма. Далѣе слѣдуютъ разные пустыя фразы, въ такомъ рождъ: «Мы вамъ несемъ свободу и независимость», «Пусть восточное варварство уступитъ передъ цивилизаціей Запада, общей вамъ и намъ», «Возстаньте, присоединитесь къ нашимъ союзнымъ войскамъ» и т. д.

Никакого впечатлѣнія эта прокламация на поляковъ никогда не производила, и страшно, что сокола, сами поляки, не видѣли, до чего она бесодорительна. Во всякомъ случаѣ мы всѣ очень волновались. Ни у кого не было охоты вступать въ войско польское, но какъ было послушаться приказа? Въ назначенный день пришли въ магистратъ не только всѣ тѣ, кто жилъ въ самыхъ Брезнахъ, но и крестьяне изъ деревень. Многие пріѣхали на лошадей издалека, такъ какъ боялись, что съ нихъ строго возьмутъ за неявиу.

Въ магистратѣ, въ большой залѣ, былъ поставленъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. За столомъ сидѣли сокольскіе офицеры. Врачъ не могли найти, такъ какъ всѣ наши врачи (и было-то ихъ въ городѣ всего три!) заражены бѣзьями, еще до прихода нѣмцевъ. Выѣсто врача пригласили цирульника, изъ тѣхъ, которые считаются «перваго класса» и имѣютъ право выѣшивать надъ дверью металлическую тарелочку.

Людей набилось въ залѣ множество,—нѣсколько сотъ человекъ. Сокольскій офицеръ вызывалъ по алфавиту изъ списка. Когда кто-нибудь не оказывалось, дѣлалъ въ списокъ отиѣтку и начиналъ добывать, давно ли это лицо уѣхало, или, если не уѣхало, гдѣ оно скрывается. Мы всѣ дрожали и по большей части отиѣчали на всѣ вопросы, что ничего не знаемъ.

Вызваннаго осматривалъ цирульникъ. Сказавъ по правдѣ, онъ прекрасно игралъ свою роль: заставлялъ раздѣться донага, выслушивалъ грудь; осматривалъ зубы, мѣрилъ ростъ и ширину груди, совѣтъ какъ настоящий до-

кторъ. Потому онъ мнѣ признавался, что самъ трепеталъ отъ страха, какъ бы его не изобличили, что онъ ничего не смыслилъ.

Когда одного признали годнымъ, онъ сталъ просить, чтобы его освободили, говорилъ, что у него жена, дѣти, что онъ долженъ содержать семью. Онъ долго плакался такъ, и, наконецъ, офицеръ сказалъ:

— Если не хочешь служить, пусть уплатитъ 15 руб. въ пользу войска польскаго.

Услыхавъ это, мы переглянулись, и у всѣхъ отлегло отъ сердца. Стало ясно, что отъ службы можно отступиться. Почти всѣ стали просить отпустить ихъ, и офицеры освобождали, кого за 30, кто за 20, а кого и за 12 руб., смотря по состоянію. Мнѣ то же пришлось кое-что заплатить, хотя я стоялъ въ милиціи и уже поэтому могъ быть освобожденъ, а кромѣ того болѣлъ грудью: врачъ опасается, не tuberculose ли у меня.

Одинъ господинъ долго торговался, давалъ 7, 10, 12 руб. Наконецъ, согласился на 25 руб. Онъ попросилъ позволенія сходить домой за деньгами, ушелъ и скрылся. На другой день сокола захватили его жену и дѣтей и заперли ихъ въ пустой мальницѣ. Отплатили ихъ сокола только за выкупъ въ 300 руб.

Все-же въ тотъ день забрали около 200 человекъ, признанныхъ цирульникомъ годными. Въ томъ числѣ были бѣдняки-крестьяне, которые не могли заплатить и 12 руб.; были люди богатые, съ которыхъ сокола требовали слѣшкомъ большую сумму (рублей полтораста и больше); были, наконецъ, такіе, которые не хотѣли платить изъ принципа, считая наборъ противозаконнымъ.

Послѣднее было совершенно справедливо. На другой день собралось соединенное засѣданіе общинательскаго комитета и правленія милиціи, чтобы обсудить это дѣло. Послѣ долгихъ споровъ рѣшили подать протестъ командиру германскихъ войскъ. Мы писали въ протестѣ, что наборъ солдатъ въ оккупированной мѣстности противорѣчитъ международному праву, разнымъ конвенціямъ и т. п. Черновицъ составлялъ общими силами, но долго не могли найти никого, кто согласился бы переписать протестъ. Всѣ боялись и отиѣвлялись. Наконецъ, кто-то взялся за это дѣло, но кто именно, право, такъ и осталось неизвѣстнымъ.

Пашался и такой смѣльчакъ, который взялся подать протестъ: одинъ еврей, немного говорившій по-нѣмецки. Онъ не только передалъ нѣмецкому командиру бумагу, но и изложилъ ея содержаніе. Командиръ выслушалъ протестъ доволь-

но милостиво и сказалъ, что рассмотреть жалобу. Но депутатъ имѣлъ неосторожность добавить, что отъ насильственного набора ляжетъ пятномъ на всю германскую армию. Нѣмецъ страшно разсердился, закричалъ, что на германской армии не можетъ быть пятна, и не хотѣлъ болѣе ничего слушать. Никакого отвѣта на нашъ протестъ мы не получили.

Между тѣмъ забраннмъ 200 человекъ всѣмъ готовиться въ путь. Крестьянамъ даже не позволили сѣсть въ себѣ въ деревню, попрощаться съ семьей, опасаясь, что они сѣдутъ. Черезъ день всѣхъ повели въ Лодзь, пѣшкомъ, подъ копомъ отряда соколовъ. Во время пути нѣкоторые новобранцы все-таки убѣжали и спрятались въ лѣсу.

Въ Лодзи новобранцевъ насормили, дали имъ отдохнуть, а потомъ ихъ повели къ какому-то важному лицу, но ихъ объюродили, къ генералу соколовъ. По нѣкоторымъ указаніямъ, можно догадываться, что это былъ Вацлавъ Сѣролевскій. Генералъ произнесъ передъ новыми соколами рѣчь. Онъ сказалъ имъ, что императоръ Вильгельмъ и Францъ-Иосифъ не положатъ оружія, пока хотя бы одинъ полякъ будетъ стоять въ полѣ, и благодарилъ новобранцевъ за ихъ готовность служить въ рядахъ войска польскаго. «Какъ отряды,—такъ заготовилъ генералъ,—что изъ такого маленькаго города, какъ Брезны, вышло такъ много охотниковъ, добровольно отдающихъ свою жизнь на служеніе нашему дѣлу!»

Тогда, осмѣлѣвъ, одинъ изъ новобранцевъ возразилъ:

— Да мы вовсе не охотники. — Какъ не охотники? Наши брезняны объяснили, что ихъ забрали насильно. Говорятъ, генералъ страшно разсердился и сейчасъ же всѣхъ отпустилъ. Они въ тотъ же день, взявъ пѣшкомъ, вернулись въ Брезны. Сокольскіе офицеры дождавали и гнѣвались на такой оборотъ дѣла, и откупившіеся стали громко требовать свои деньги назадъ. Но это, конечно, ни къ чему не повело, тѣмъ болѣе, что скоро и хозяйничанью нѣмцевъ въ городѣ пришелъ конецъ. Приблизилось русскія войска, и нѣмцы вмѣстѣ съ соколами на-время выбрались изъ Брезны.

Тогда, осмѣлѣвъ, одинъ изъ новобранцевъ возразилъ:

— Да мы вовсе не охотники. — Какъ не охотники? Наши брезняны объяснили, что ихъ забрали насильно. Говорятъ, генералъ страшно разсердился и сейчасъ же всѣхъ отпустилъ. Они въ тотъ же день, взявъ пѣшкомъ, вернулись въ Брезны. Сокольскіе офицеры дождавали и гнѣвались на такой оборотъ дѣла, и откупившіеся стали громко требовать свои деньги назадъ. Но это, конечно, ни къ чему не повело, тѣмъ болѣе, что скоро и хозяйничанью нѣмцевъ въ городѣ пришелъ конецъ. Приблизилось русскія войска, и нѣмцы вмѣстѣ съ соколами на-время выбрались изъ Брезны.

Тогда, осмѣлѣвъ, одинъ изъ новобранцевъ возразилъ:

— Да мы вовсе не охотники. — Какъ не охотники? Наши брезняны объяснили, что ихъ забрали насильно. Говорятъ, генералъ страшно разсердился и сейчасъ же всѣхъ отпустилъ. Они въ тотъ же день, взявъ пѣшкомъ, вернулись въ Брезны. Сокольскіе офицеры дождавали и гнѣвались на такой оборотъ дѣла, и откупившіеся стали громко требовать свои деньги назадъ. Но это, конечно, ни къ чему не повело, тѣмъ болѣе, что скоро и хозяйничанью нѣмцевъ въ городѣ пришелъ конецъ. Приблизилось русскія войска, и нѣмцы вмѣстѣ съ соколами на-время выбрались изъ Брезны.

На этомъ г. З. закончилъ свой рассказъ. При слѣдующихъ нашествіяхъ нѣмцевъ на Брезны соколовъ въ ряды германской армии уже не было.

Валерій Вроссовъ.

Брезны—Варшава.